

Российская академия наук

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

2005 * 5

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

II

23

2364

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В МАРТЕ
1957 ГОДА

ВЫХОДИТ
6 РАЗ
В ГОД

НАУКА
МОСКВА

В НОМЕРЕ:

К истории политического языка в России XVIII в.
Борьба за лидерство в руководстве РСДРП(б)
в 1917 г.

Геополитическая страница Гражданской войны
1918–1919 гг.

Историко-педагогическая деятельность М.М. Бо-
гословского

Тэрэнс Эммонс и изучение истории Российской
империи в период с 1968 по 2004 гг.

Споры о причинах Цусимской катастрофы

К 100-летию революции 1905–1907 гг. в России

Была ли альтернатива у «Кровавого воскресенья»?

Люди и события Первой русской революции в ос-
вещении британского корреспондента

Первая русская революция и провозглашение
свободы союзов и собраний

Национальный вопрос во внутренней политике
правительства в годы Первой русской революции

Первая российская революция и мусульманское
движение

Д.В. Сироткин и Всероссийские съезды старооб-
рядцев в начале XX в.

Российская социал-демократия в 1905–1907 гг.: замет-
ки о новейшей историографии

сентябрь
октябрь

2005 * 5

Суб
03 2015 1059

тому Димитрию Ростовскому. 6 октября 1906 г. распоряжением московского генерал-губернатора издание «Народной газеты» было приостановлено.

³¹ Вишневски Э. Капитал и власть в России: Политическая деятельность прогрессивных предпринимателей в начале XX века. М., 2000. С. 108.

³² Труды VII Всероссийского съезда... С. 237–238.

³³ Доброжелатель. Среди старообрядцев // Старообрядцы. 1908. № 2–3. С. 253.

³⁴ Поселенец, Радетели // Старообрядцы. 1908. № 4–6. С. 483.

³⁵ Там же.

³⁶ Старообрядцы. 1909. № 1–2. С. 112.

³⁷ Там же. 1908. № 1. С. 109.

³⁸ Там же. № 2–3. С. 256.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. № 8–9. С. 751.

⁴¹ Нижегородский листок. 1908. 5 августа.

⁴² Старообрядцы. 1908. № 8–9. С. 751.

⁴³ Нижегородский листок. 1908. 5 августа.

⁴⁴ Волгарь. 1909. 29 января; Нижегородский листок. 1909. 30 января.

⁴⁵ Нижегородский листок. 1910. 22 апреля.

⁴⁶ Там же. 7 февраля.

⁴⁷ Там же. 22 апреля.

⁴⁸ Волгарь. 1910. 24 августа; Старообрядчество... С. 258.

⁴⁹ ЦА НО, ф. 27, оп. 1, д. 2, л. 27.

⁵⁰ Савиц Н.В. Воспоминания. СПб.-Дюссельдорф, 1993. С. 290–291.

⁵¹ Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. ПГ-рл. 15–2–8.

© 2005 г. Н. В. МАКАРОВ, П. Ю. САВЕЛЬЕВ*

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ В 1905–1907 ГОДАХ: ЗАМЕТКИ О НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Тема «Российская социал-демократия в Первой российской революции» для историков далеко не нова. Вместе с тем начиная с 1991 г. в ее изучении как в нашей стране, так и за рубежом определился перелом, связанный с переосмыслением всего концептуального подхода к истории России и ревизией понимания практически всех составляющих рассматриваемой темы. Объектом исследования в данной статье является отечественная и англо-американская историческая литература последних 15 лет, анализ которой отчасти уже проводился¹.

В меньшей мере по составу авторов, в большей – по проблематике эта литература связана с публикациями 1960-х – 1980-х гг. Тогда эталоном для отечественных историков была многотомная «История КПСС» (о периоде 1905–1907 гг. речь шла в т. 2, вышедшем в свет в 1966 г.). В основе концептуального подхода авторского коллектива лежало отождествление истории РСДРП с историей большевизма, причем успехи большевиков связывались с организованностью и активностью действий рабочего класса во главе с В.И. Лениным и его соратниками. И хотя революция потерпела поражение, большевики извлекли из него ряд важных уроков, что обеспечило им победу в 1917 г. (1905 г. – генеральная репетиция Октября). Эти положения тиражировались затем в многочисленных книгах и статьях, посвященных отдельным сюжетам данной темы. При этом заимствование у Ленина готовых выводов без их критического осмысле-

* Макаров Николай Владимирович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Московского педагогического государственного университета.

Савельев Петр Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент Московского педагогического государственного университета.

ния путем конкретно-исторического анализа, как правило, не оставляло места для личных суждений исследователя. В отличие от советской, в англо-американской историографии, в значительной мере определявшей развитие зарубежной историографии в целом, единства концептуальных подходов к этим вопросам не было. Наиболее влиятельными были две исторических школы – «либерально-консервативная» и набиравшая силу «ревизионистская». Если первая отвергала социал-демократическую альтернативу развития России в принципе, то вторая отстаивала возможность ее развития по меньшевистской модели и занималась не только политической, но и социальной составляющей темы. Кроме того, «ревизионисты» признавали определенные достижения советской историографии. В целом же для западной историографии были характерны свобода от «культы Ленина» и весьма критическое отношение к нему. При этом широко распространялся биографический жанр исследований. Героями этих книг и статей были крупные деятели российской социал-демократии – Л.Д. Троцкий, Ю.О. Мартов, П.Б. Аксельрод и др. Особую роль в изучении истории меньшевизма сыграл междууниверситетский проект по истории меньшевистского движения (руководитель Л. Хеймсон).

Отдельные новые подходы к изучению интересующей нас темы в отечественной историографии обозначились уже к началу так называемой перестройки. Более интенсивно стала изучаться история «непролетарских» партий, в том числе меньшевиков. После 1991 г. отечественные историки резко поменяли тематику своих исследований и оценки событий прошлого. Изучение революций и истории революционных партий утратили для исследователей былую привлекательность. Среди историков обозначилось несколько концептуальных подходов к российской истории начала XX в. Широкое распространение получило мнение о том, что единственным прогрессивным путем изменения общественного строя России был тогда союз между либеральной демократией и монархической властью, модернизация страны по западному образцу. Немало сторонников нашла и та точка зрения, что царизм был единственно приемлемым режимом власти для России и, следовательно, «освободить» ее было не от чего и не от кого. Третий концептуальный подход, довольно популярный во второй половине 1990-х гг., связывал возможность поступательного развития страны с меньшевистско-эсеровской альтернативой. Наконец, есть и такие историки, которые демонстративно заявляют о своей аполитичности и сознательно уходят от широких обобщений и однозначных оценок.

Не менее крупные концептуальные изменения произошли и в англо-американской историографии. С развалом СССР интерес западных историков к истории дореволюционной России стремительно падал. Если ранее в этой эпохе искали жизнеспособные альтернативы развития России в будущем, то после падения «империи зла» такие поиски, по сути, утратили всякий смысл. Популярность в западной исторической науке последних лет завоевал постмодернистский подход, в центре внимания сторонников которого оказались этические проблемы, вопросы массовой культуры и психологии, гендерные проблемы и др.

Тем не менее нельзя сказать, чтобы революция 1905–1907 гг. и РСДРП вообще исчезли из поля зрения современных исследователей. Здесь следует отметить, прежде всего, публикацию ряда известных ранее лишь узкому кругу специалистов источников: программных документов более 50 политических партий России, действовавших в период революции, материалов хроникального характера, стенографических отчетов Государственной думы. К сожалению, незаконченным осталось издание «Переписки В.И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1905–1907 гг.», которое оборвалось в 1991 г. на четвертом томе, где собраны документы, относящиеся к началу осени 1905 г. В серии документального наследия политических партий опубликован в 1996 г. том «Меньшевики», четверть объема которого отведена событиям 1905–1907 гг. Снабженная содержательным предисловием и обстоятельным комментарием, составленная С.В. Тютюкиным книга дает исследователям весьма обширный материал для изучения. Среди документов, опубликованных в «Ис-

торическом архиве» (1998, № 2) в связи с 70-летием Дома Плеханова, особый интерес представляют письма Ю.О. Мартова к Г.В. Плеханову 1906 г., которые подготовила к печати и прокомментировала Н.А. Казарова.

Этапными для дальнейших исследований стали и попытки создания обобщающих трудов по истории Первой российской революции. На рубеже 1980–1990-х гг. американский историк А. Ашер создал 2-томный труд, специально посвященный истории Первой русской революции². Он соединяет в себе достижения и «либерально-консервативной», и «ревизионистской» школ западной историографии. По мнению автора, российское социал-демократическое движение носило элитарный характер. РСДРП в ходе революции пыталась овладеть массовым движением, но ей это не удалось. Книгу Ашера положительно оценили отечественные историки³. Проблемы революции 1905–1907 гг. нашли освещение в фундаментальной монографии британского исследователя О. Файджеса, хотя социал-демократии в ней отведено весьма скромное место. Так же, как и Ашер, автор не считает социал-демократическое движение массовым и основное внимание уделяет эволюции взглядов лидеров РСДРП, в первую очередь Ленина⁴. В новом издании книги Ш. Фитцпатрик отражаются традиционные взгляды на марксизм как на средство европеизации России, говорится об абсолютно независимом развитии рабочего и революционного движений и о тождественности большевизма и ленинизма⁵.

В России также создан обобщающий труд о революции 1905–1907 гг.⁶, где совершенно по-новому для отечественной историографии рассматривается сама революция как крупномасштабный системный кризис в рамках процесса модернизации страны, который закончился в пользу старой власти, но привел к ряду позитивных перемен во всех сферах жизни российского общества, не сняв, однако, всех противоречий его развития, что привело в дальнейшем к событиям 1917 г. Что касается социал-демократов, то они рассматриваются авторами в рамках единой партии, тем более что именно в эти годы они сумели в значительной мере преодолеть раскол, чему во многом способствовала и захватившая меньшевиков в 1905 г. революционная эйфория. Правда, достигнутое единство не было полным и органичным, поскольку в позициях большевиков и меньшевиков, в их стратегии и тактике были слишком серьезные различия, вытекавшие из разного видения ситуации в России и разного понимания ближайших и более отдаленных задач партии. Тем не менее достигнутое единство все же позволило РСДРП зарекомендовать себя в революции как одну из самых влиятельных политических сил тогдашней России, без которой сама революция приобрела бы несколько иные контуры, а завоевания народа выглядели бы намного скромнее.

Настоящий прорыв в отечественной историографии произошел в последние годы в области биографического жанра. Уже в начале 1990-х гг. в ряде сборников появились основанные на новом фактическом материале биографии Плеханова, Потресова, Мартова, Богданова⁷. Самый живой интерес вызывают во многом загадочная, крайне противоречивая и очень популярная в свое время личность священника Георгия Гапона и его взаимоотношения с эсерами и социал-демократами⁸. Трудно переоценить и значение увидевшей свет в 1996 г. фундаментальной энциклопедии «Политические партии России» (руководитель проекта В.В. Шелохаев), в которой из почти 700 биографических статей более 100 посвящены социал-демократам. Работа в этом направлении продолжается, и в недалеком будущем должны появиться энциклопедии по истории общественно-политической мысли и истории российской эмиграции. Определенное влияние на развитие биографических исследований в России оказала весьма неоднозначно оцениваемая научной общественностью трилогия Д.А. Волкогонова «Вожди», состоящая из книг о Сталине, Троцком и Ленине⁹. Первоначально особенно большое внимание было уделено Троцкому, его работе в Петербургском совете рабочих депутатов в 1905 г., взаимоотношениям с большевиками и меньшевиками, теории «перманентной» революции¹⁰. Если Волкогонов, по сути, уравнивал масштабы деятельности и степень влияния на ход событий Троцкого и Ленина, то Н.А. Васецкий постоянно дистанцировал Троцкого от основателя большевистской партии и ставил троцкизм в один ряд со

сталинизмом. Тютюкин считает, что кратковременный период меньшевизма Троцкого был завершен еще в конце 1904 г., а о троцкизме как о самостоятельном идейно-политическом течении вряд ли имеет смысл говорить до начала 1920-х гг. Историки также занялись изучением жизненного пути и политической деятельности других социал-демократов, которые выступали против Ленина или Сталина, либо в чем-то не соответствовали тезису о непогрешимости большевиков¹¹. С другой стороны, в последние годы появились и новые тенденции в осмыслении личности Сталина. Очевидно, что период его «разоблачения» уходит в прошлое. Помимо публикации ряда документов и материалов, изданы книги о нем, написанные в спокойно-объективистских или даже апологетических тонах¹².

За рубежом также продолжалось развитие биографического жанра. Т.О'Коннор создал биографии двух большевистских лидеров – Л.Б. Красина и А.В. Луначарского. Деятельность Красина в 1905–1907 гг., как считает автор, была направлена на примирение большевиков и меньшевиков. Он был сторонником активных действий РСДРП в революции, «практиком», в то время как большинство социал-демократических лидеров-эмигрантов слабо представляло себе актуальные проблемы, стоящие перед русским революционным движением, погрязнув в отвлеченных теоретических разногласиях. С другой стороны, подобно Ленину, Красин испытывал «определенное недоверие к массам, в том числе к пролетариату», и в своей партийной деятельности опирался главным образом на интеллигенцию. Его политическая линия была порой не свободна от двусмысленностей, что проявилось, к примеру, на III съезде РСДРП¹³. Книга О'Коннора вызвала неоднозначный отклик российских историков. С одной стороны, они подчеркивали существенное расширение автором источниковой базы по теме исследования, но отмечались и многочисленные фактические неточности и ошибки. Особое замечание отечественного рецензента вызывало противопоставление Красина как одного из лидеров большевистской партии ей как целому¹⁴. В своей книге о Луначарском О'Коннор основное внимание, как явствует уже из названия книги, сосредоточил на деятельности Луначарского на посту наркома просвещения. Поэтому сюжеты, посвященные его участию в Первой российской революции, изложены довольно лаконично¹⁵. На русском языке было также опубликовано интересное предисловие Л. Хеймсона к публикации интервью с меньшевиками-эмигрантами¹⁶. Ему удалось мастерски показать сложный путь формирования их мировоззрения и политических взглядов в контексте общего процесса духовной эволюции российской интеллигенции конца XIX – начала XX вв.

Привлекает внимание англо-американских историков и Троцкий. Интересную, хотя и не бесспорную, статью посвятил ему Ф. Помпер, применивший в исследовании психоанализ¹⁷. Однако оригинальные панегирические выводы Ф. Помпера вызвали в англо-американской исторической науке неоднозначную реакцию. Как отмечал в своей рецензии Э. Эктон, большинство выводов Помпера, основанных на психологических моделях, «недоказуемо, но наводит на размышления»¹⁸. В более традиционном ключе рассматривают Троцкого в своих произведениях Гетцлер, Хеймсон, Ашер, Файджес¹⁹.

Характерным изменением историографических подходов последнего десятилетия стало то, что вслед за большевиками внимание отечественных исследователей привлекли лидеры меньшевизма – Мартов, Аксельрод, Потресов, Маслов и др.²⁰. В результате, если в советскую эпоху действовало негласное правило писать о противниках Ленина либо ничего, либо плохо, то теперь, напротив, объектами критики или фигурами умолчания стали Ленин и его наиболее верные соратники. Между тем для понимания процесса развития РСДРП и непредвзятого, объективного его изучения ключевыми фигурами являются три деятеля – Плеханов, Ленин и Мартов. Взаимоотношения между этими лицами, составлявшими своеобразный «треугольник», где нашли свое место и взаимная симпатия, и ревность, и ненависть, и интриги, и стремление «перетащить» другого на свою сторону, в значительной мере предопределяли расклад политических сил внутри РСДРП, ее стратегию и тактику, конкретные результаты деятельности.

В историографическом плане здесь более всего повезло Плеханову. Вокруг его имени в 1990-е гг. было мало публицистического ажиотажа, связанного с пеной «революционной перестройки». Биографию Плеханова разрабатывает относительно узкий круг специалистов, внутри которого сохраняется преемственность – многие из них избрали плехановскую тему предметом своих занятий еще в доперестроечное время. Раз в два года проводятся «Плехановские чтения» в Санкт-Петербурге. Наиболее значительной из созданных в последнее время работ о Плеханове является фундаментальное исследование, проведенное Тютюкиным²¹. Он оценивает Плеханова как великого человека и крупного ученого, имевшего, однако, огромное количество мелких недостатков. В основе мировоззрения Плеханова лежал синтез русской революционной мысли и учения К. Маркса. С точки зрения Тютюкина, Плеханов как теоретик остался во многом человеком XIX столетия и явно проигрывал представителям нового поколения марксистов. С другой стороны, важно подчеркнуть, что политика никогда не была сильной стороной его многогранной личности. В годы Первой российской революции в общем и целом он избежал больших взлетов и падений, окончательно закрепившись на позициях марксистского теоретика, к советам которого не слишком прислушивались, однако, марксисты-практики. В 1905–1907 гг. уже чувствовалось, что будущее не за Плехановым, что он – «вчерашний день революции». Классическое западное видение фигуры «основоположника русского марксизма» представлено в монографии американского историка С. Бэрона²². Хотя книга Бэрона, вышедшая на русском языке в 1998 г., является переизданием его работы, опубликованной еще в 1963 г., позиции автора за истекшее время практически не изменились. Подтверждением этому может служить содержание статьи о Плеханове, опубликованной Бэронам в 1995 г.²³ Для него Плеханов – ортодоксальный марксист, не сумевший, однако, адаптировать марксистскую теорию к российским условиям. В результате анализа хода революции 1905–1907 гг. он оказался перед дилеммой: буржуазия недостаточно радикальна, а крестьянство – ненадежный союзник для пролетариата. В итоге последний оказывался изолированным, не имея достаточных сил для свержения самодержавия. На эту «тупииковую» ситуацию Плеханов «не смог отреагировать творчески», будучи уже сложившимся догматиком. Доктринерство Плеханова отдалило его и от большевиков, и от меньшевиков. Его по-прежнему уважали в революционной среде за старые заслуги, но все более и более рассматривали как «некий исторический памятник». И сам Плеханов болезненно сознавал, что «идет не в ногу со всеми»²⁴.

Совершенно по-иному сложилась ситуация с изучением жизненного пути и политической деятельности Ю.О. Мартова. Хотя он и не был фигурой умолчания в советской историографии, оценки его личности и деятельности носили в целом негативный характер²⁵. Немыслимо было в то время и создание развернутого и объективного биографического очерка о политическом противнике Ленина. В постсоветский период разработкой биографии Мартова занялись сразу несколько исследователей²⁶. Все они солидарны в том, что Мартов – крупный политический деятель, пролетарский революционер и историк российского социал-демократического движения, талантливый журналист и оригинальный мыслитель, принципиальный, совестливый и честный человек. Но в рамках этих характеристик между историками сразу же наметились и немалые разногласия: одни склонны рисовать Мартова святым мучеником, оправдывая каждый его шаг и поступок, другие, пытаясь восстановить историческую правду, не исключают и его критики. Из отечественных исследований о Мартове наиболее фундаментально выглядит книга И.Х. Урилова, хотя новых фактов в ней немного. Обстоятельно и взвешенный ее анализ был дан в рецензии А.П. Ненарокова²⁷, который полагает, что Мартов был временами очень далек от истинного меньшевизма, оставаясь «всегда в меньшинстве». В итоге, с точки зрения Ненарокова, к началу XXI в. правым выглядит не Ленин и не Мартов, а Потресов. Вместе с тем было бы несправедливо не отметить огромную работу Урилова, связанную с поиском уничтоженного фашистами места захоронения праха Мартова, Аксельрода и других видных меньшевиков в Берли-

не и сооружении там памятника, а также с публикацией документов и мемуаров российских социал-демократов²⁸.

В статье о Мартове, опубликованной в 1995 г. С.В. Тютюкиным и П.Ю. Савельевым, был сделан ряд оценочных выводов. По их мнению, Мартов был богато одаренной натурой, человеком без остатка отдавшим себя делу своей партии, политической борьбе, но его не считали харизматическим вождем и искусным партийным организатором. Мартов был совестью и душой меньшевистской фракции, а затем партии, страстным и неутомимым оратором, ярким и талантливым журналистом. Что же касается периода 1905–1907 гг., то он не поднял Мартова как политика, партийного руководителя и публициста на какую-то принципиально новую высоту, как это было с Лениным, Троцким и даже с Даном. Но в отличие от Плеханова, Мартов не утратил и позиций, завоеванных в 1903–1904 гг., продолжая оставаться ведущим и наиболее авторитетным меньшевистским публицистом.

В 1998 г. вышла гораздо более скромная по размерам, чем монография Урилова, книга Н.А. Казаровой. Она ввела в научный оборот ряд новых архивных материалов, дала весьма обстоятельный анализ произведений Мартова периода «Искры», в том числе установила авторство ряда его статей. Но Казарова не ставила перед собой цели полной реконструкции политической биографии своего героя, и период Первой российской революции освещен в ее книге довольно фрагментарно. Тем не менее большим достоинством соответствующего раздела ее работы является анализ публицистического наследия Мартова, разбросанного по многочисленным газетам и журналам того времени.

Израильский историк И. Гетцлер, продолжающий время от времени выступать с небольшими эссе о Мартове²⁹, признал, что последние работы российских историков «исправляют и очищают» фальсифицированный образ Мартова, преобладавший в советской историографии³⁰. Гетцлер разрешил опубликовать на русском языке исправленный и дополненный вариант своей монографии о Мартове, впервые появившейся в Кембридже в 1967 г. В 2003 г. вышло в свет и второе английское издание книги³¹. Это большое и интересное исследование построено на документах из американских и европейских архивов, а также на материалах личных бесед автора с современниками Мартова. По мнению Гетцлера, Мартов – этот «Гамлет демократического социализма», несмотря на все свои выдающиеся личные качества, неспособен был привести свою партию к победе в силу присущих ему сомнений и колебаний. Гетцлер несколько идеализировал и схематизировал образ своего героя, но и ныне его исследование остается наиболее фундаментальным из всех работ, посвященных лидеру меньшевиков. Характерно, однако, что 1905–1907 гг. в общем и целом не были в трактовке Гетцлера «звездным часом» Мартова, гораздо полнее раскрывшегося в 1917 г. А. Ашер рассматривает Мартова как лидера русской социал-демократии, стремившегося в 1905 г. к объединению меньшевиков и большевиков в рамках единой партии. Мартов, с его точки зрения, полагал, что тактические разногласия между ними со временем исчезнут, что, по нашему мнению, нуждается в более обстоятельной аргументации. Он оставался одним из немногих лидеров русской социал-демократии, трактовавших революцию 1905–1907 гг. как буржуазную. Тем не менее Мартов уже допускал мысль о близости захвата власти революционерами, но беспокоился, чтобы такой акт не привел к установлению в России якобинской диктатуры³².

Из трех интересующих нас политиков в историографическом плане менее всего повзело В.И. Ленину. В советский период отечественными политиками и историками был создан его культ, но на рубеже 1980-х – 1990-х гг. возникла отечественная «антилениниана». После августовских событий 1991 г. тезисы, выдвинутые противниками Ленина, перекочевали на страницы научных трудов. Тон тут задавала уже упоминавшаяся книга Волкогонова «Ленин». На первых же ее страницах автор определил характерные черты своего героя. По Волкогонову, Ленин был человеком с сильным и гибким прагматическим умом, но в то же время коварным, циничным и безнравственным человеком. Когда Волкогонов пишет о Ленине в период революции 1905–1907 гг.,

его привлекают лишь такие сюжеты, как печально знаменитые «экссы» да «зубодробительная» критика в адрес меньшевиков, тогда как Ленин-теоретик и Ленин-практик для него просто не существуют. По мнению Волкогонова, Ленин – не творец и не пророк, а «якобинец, начавший рыть глубокий могильный ров для эфемерного сияющего храма будущего»³³. Публикация книги Волкогонова вызвала волну откликов как в России, так и за рубежом³⁴. Как реакция на «антিলениниану» резко поднялась в последние годы новая волна апологетики Ленина, причем идейное противостояние напоминает времена холодной войны.

Заметим, что зарубежные историки разрабатывают ленинскую тему в научном ключе³⁵, что вовсе не исключает критики ленинизма. Для Р. Сервиса Ленин является одним из главных сторонников углубления раскола с меньшевиками, а лозунги большевиков периода революции (вооруженное восстание, массовый террор, революционное Временное правительство и др.) были фактически отходом от марксизма, причем многие идеи Ленина коренятся в трудах предыдущих поколений российских мыслителей-социалистов. Эволюция взглядов Ленина и его политической линии в 1905–1907 гг. придается большое значение и в работах других англо-американских историков. При этом центральное внимание уделяется проблемам отношения Ленина к основным социальным силам русского общества – пролетариату, крестьянству, буржуазии. Ашер, например, полагает, что ленинские взгляды на проблему союза крестьянства с рабочими и создания Временного революционного правительства носили печать двусмысленности, ибо Ленин не ответил на ряд вопросов (как долго такое правительство должно пребывать у власти, можно ли допускать в него буржуазию, следует ли Временному правительству удерживать власть как можно дольше в надежде на приближение социализма и пр.). Поэтому рассчитывать на безоговорочную поддержку рабочих и крестьян Ленину было сложно³⁶. Ашер отводит в своем исследовании значительное место и изучению эволюции ленинских взглядов на легальную политическую деятельность, в том числе его пониманию роли Государственной думы. Если поначалу Ленин считал, что «всякий, кто поддерживает революцию, должен быть против Думы», то в 1906–1907 гг. взгляды его изменились. Теперь Ленин выступал за участие в выборах, но рассматривал Думу лишь как трибуну для мобилизации масс и разоблачения истинной природы других политических сил³⁷.

Что касается собственно истории российской социал-демократии, то она привлекает сегодня лишь единичных исследователей, причем повышенное внимание уделяется послеоктябрьскому меньшевизму. Тем не менее в России в 1996 г. увидела свет специальная монография С.В. Тютюкина и В.В. Шелохаева об РСДРП³⁸. В книге предпринята попытка на основе вновь вводимого в научный оборот архивного материала показать обобщенную картину развития РСДРП на широком историческом фоне. В концептуальном плане здесь нашли свое отражение критика ряда коренных положений теории и практики большевизма, новый подход к меньшевикам как к марксистам и революционерам, портретные зарисовки ряда видных деятелей социал-демократии. Авторы показали, что в 1903 г. лишь началось оформление большевизма и меньшевизма, завершившееся не ранее 1917 г. В книге дан также нетрадиционный анализ ряда ленинских произведений, работ Сталина по национальному вопросу, подробно изложена теория «перманентной» революции, впервые в отечественной историографии обстоятельно рассказано о Женевской конференции меньшевиков 1905 г.

Еще ранее, в 1992 г. в не оцененной по достоинству книге А.П. Логунова «Революция 1905–1907 гг. и российская социал-демократия» (по содержанию она выходит за обозначенные хронологические рамки) был намечен ряд концептуальных подходов, ставших предвестниками перелома в интерпретации истории РСДРП в целом. Автор показал, что большевики уже в 1905 г. стремились к полному или частичному захвату власти и ставили прямые массовые действия и внепарламентские формы демократии выше профсоюзно-парламентских успехов западноевропейских партий. Внутри непартийных организаций они делали ставку на усиление руководящей роли РСДРП, а внутри самой партии – на группы профессиональных революционеров. Меньшевики же

исходили из неподготовленности объективных условий для «захвата власти» и недопустимости опережения хода объективных общественных процессов. Они стремились объединить вокруг пролетариата всю городскую буржуазную демократию. Наконец, меньшевики, в отличие от большевиков, добивались не подчинения себе различных непартийных организаций, а сотрудничества с ними и делали ставку на развитие самостоятельности рабочих, на превращение РСДРП в пролетарскую не только по названию, но и по составу, партию. Вместе с тем и Логунов придерживался той принципиальной позиции, что процессы обособления большевиков и меньшевиков оставались незавершенными вплоть до 1917 г.

О большевиках в начале 1990-х гг. писали мало и притом исключительно в негативных тонах. Их обвиняли в экстремизме, вождизме, бланкизме, идейной нетерпимости, аморализме, ориентации только на маргинальные слои. Однако затем появились уже более сдержанные публикации, представляющие собой серьезную попытку разобраться в феномене большевизма, а не только дискредитировать его. Наряду с резким отличием большевиков от партий II Интернационала, их родством с народничеством и анархизмом, а также равнодушием к общепринятым моральным нормам указывается теперь и на такие их черты, как идейная монолитность, строжайшая партийная дисциплина, особая целеустремленность в революцию и прочная связь с массами, в совокупности предопределившие их успех в 1917 г. и превращение в партию власти³⁹. Что касается меньшевистской альтернативы большевизму, то реальность ее успеха отрицал еще А.А. Шерстянников⁴⁰, но наиболее убедительно ее несостоятельность доказал Тютюкин, рассмотревший историю меньшевизма от его истоков до исчезновения с политической арены⁴¹, хотя он и признает определенные успехи меньшевиков в легальных организациях в период Первой российской революции.

На Западе за истекшее десятилетие не было создано специальных работ по истории РСДРП или ее отдельных фракций в период до 1917 г. Однако в упоминавшихся выше книгах и статьях уделено некоторое внимание внутрипартийной жизни РСДРП в 1905–1907 гг. При этом Ашер, например, не склонен абсолютизировать различия между большевиками и меньшевиками. Так, выступая против участия РСДРП во Временном революционном правительстве в случае успеха революции, меньшевики тем не менее не отказывались от возможного захвата власти на местах. Обе фракции РСДРП стремились к распространению своего влияния в деревне, готовились к вооруженному восстанию, а теоретические разногласия лидеров были не всегда понятны рядовым членам партии. При этом как большевистские, так и меньшевистские теоретики допустили немало просчетов. Однако по мере развития революции трещина между двумя фракциями РСДРП увеличивалась, так что единство партии, провозглашенное на IV съезде, продержалось не более месяца⁴². Привлекают англо-американских историков и проблемы отношения социал-демократов к Государственной думе и либералам, практика функционирования «левого блока». М. Меланкон отмечает, что III съезд большевиков и Женевская конференция меньшевиков одобрили возможность коалиции социал-демократов с эсерами. При этом наметились две тенденции: в местах их давнего сотрудничества (Петербург, Москва, Саратов) совместные действия шли гладко, тогда как в «новых» регионах (Ставрополь, Тифлис, Баку и пр.) нередко возникали разногласия между РСДРП и ПСР. Во время осенней всеобщей стачки 1905 г. «партийность» отступала на второй план, уступая место плодотворному сотрудничеству. Та же ситуация сложилась и в Советах. По подсчетам Меланкона, в 1906–1912 гг. большевики, меньшевики, эсеры и трудовики в разных комбинациях вступали в предвыборные блоки в 88 городах России. Сотрудничали социалистические партии и при создании профсоюзов, кооперативов, просветительских обществ. Главный вывод Меланкона состоит в том, что рост «блоковой активности» социалистов наблюдался при нарастании революционной волны, тогда как по мере ее спада каждая партия предпочитала действовать самостоятельно⁴³. Отечественные историки в последние годы тоже активно разрабатывают сюжеты, связанные с деятельностью Государственной думы⁴⁴. Но специальных работ о деятельности социал-демократов в I и II Думах пока не появилось. Так

же скромно выглядят успехи российских ученых в области изучения массовых движений в условиях революции⁴⁵, которым уделялось много внимания в советской историографии.

Новейшая англо-американская историография, напротив, уделяет проблемам связи РСДРП с массовым движением пристальное внимание. С. Моррис опубликовала монографию о русском студенческом движении. В целом, как считает автор, социал-демократы призывали студентов разорвать с академическим движением и примкнуть к РСДРП, отойти от «буржуазного мещанства» и бороться с самодержавием на стороне пролетариата. Студенческая забастовка весной 1905 г. влила в умы студенчества много новых политических идей, в том числе мысль о передовой роли рабочего движения. В конце июля 1905 г. Ф.И. Дан призвал студентов к общероссийской забастовке и превращению университетов в «центры революционного брожения», к освобождению науки от «оков цензуры», открытию дверей университетов всем гражданам и превращению высших учебных заведений в места массовых митингов. Студенты последовали этому совету. Часто (и в советской, и в западной историографии) этот факт объяснялся гегемонией в студенческой среде социал-демократов. По мнению Моррис, это скорее свидетельствовало не о гегемонии той или иной партии, а о новом понимании самими студентами своей политической роли. Создается впечатление, пишет Моррис, что, говоря об академических и политических свободах, студенты, по сути, имели в виду одно и то же. При этом социал-демократы, хотя на словах и призывали к классовому размежеванию студенчества, на деле поддерживали его как целое. Поэтому РСДРП пользовалась наибольшей поддержкой студентов. С другой стороны, вскоре после Первой российской революции «революционные партии во многом потеряли свой интерес к студентам», видя, что студенческое движение лежит за пределами «классовой борьбы» и за пределами сферы действия социалистов⁴⁶.

На волне роста интереса англо-американских историков к гендерным проблемам, большое внимание уделяется в англо-американской исторической науке последних лет проблемам связи социал-демократии с женским движением. Помимо работы Р. Стайтса, переизданной в 2004 г. на русском языке, здесь необходимо отметить труды Б. Клементс, А. Хилляр и Дж. Макдермид и биографию И. Арманд, написанную Р. Элвудом⁴⁷. Стайтс дает своеобразный коллективный портрет русской социал-демократки, подчеркивая ее образованность и экономическую независимость. Началом «пути в радикализм» был для нее чаще всего юношеский идеализм и «жажда действия». Обладающая сильным характером, такие женщины чаще всего тяготели к большевикам или к эсерам. Хилляр и Макдермид уделяют в своей книге первостепенное внимание женщинам-работницам. Всего же в их монографии анализируется деятельность около 1 200 революционерок. Если прежде, считают авторы, преимущественное внимание уделялось женщинам-большевицкам, то теперь назрела необходимость попытаться вписать их в контекст истории женщин-революционерок вообще. Авторы приходят к выводу о том, что к рубежу XIX–XX вв. в женском социалистическом движении повысился удельный вес работниц и крестьянок (от 28.2% в 1905–1907 гг. до 45.7% в 1914–1916 гг.; интеллигентки к 1917 г. составляли лишь около 25%)⁴⁸.

Наконец, как российских, так и зарубежных историков занимает проблема отношения социал-демократов к политическому террору. Ашер, О'Коннор, Сервис пишут, что, несмотря на официальное неприятие террора, большевики часто применяли его на практике, в то время как меньшевики терроризм осуждали. Отдельные главы специальных монографий посвятили этой проблематике А. Гейфман и О.В. Будницкий⁴⁹. Последний отмечает, что для Ленина и большевиков проблема политического террора была лишь вопросом целесообразности. И в этом отношении они являлись наследниками русской революционной традиции, в которую внес свой вклад и Плеханов. Отрицание террора и большевиками, и меньшевиками, считает Гейфман, было условным. И те, и другие применяли его, равно как и «экссы» (хотя меньшевики – в меньшей степени и не столь систематично). С другой стороны, террор всегда был для РСДРП вто-

ростепенным средством политической борьбы, и самодовлеющего значения (в отличие от эсеров) ни большевики, ни меньшевики ему не придавали.

Таким образом, изучение истории РСДРП продолжается. В этой области за последнее время выполнена большая и в целом полезная работа. Отрадным явлением стало сотрудничество отечественных и зарубежных историков. Особенно позитивным, на наш взгляд, является бурное развитие биографического жанра, так как «очеловечивание» истории позволяет во многом по-новому взглянуть на, казалось бы, уже досконально изученные историками сюжеты. Вместе с тем обозначилась и во многом обусловленная особенностями переходного периода негативная тенденция к отождествлению дореволюционной истории меньшевизма с историей РСДРП и апологетике меньшевиков. Думается, что изолированные друг от друга исследования историй меньшевистской и большевистской партий ведут не к выяснению истины, а в тупик. Вне поля зрения исследователей остаются весьма многочисленные и игравшие заметную роль в политической жизни тогдашней России Бунд и СДКПиЛ, не говоря уже о десятках других небольших социал-демократических организаций и групп. Между тем изучение национальных партий только начинается⁵⁰. На наш взгляд, настало время поставить вопрос: корректно ли рассмотрение истории российской социал-демократии в свете противопоставления *только* большевиков и меньшевиков? Не должна ли идти речь о многонациональном социал-демократическом движении в целом? РСДРП, как она оформилась на своем IV съезде в апреле 1906 г. (включая в свой состав меньшевиков, большевиков, бундовцев, поляков и латышей), гораздо в большей мере соответствует понятию «партия», чем социал-демократические организации предшествующего периода. Поражение революции повлекло за собой глубочайший партийный кризис, распад организации, идейные шатания и процесс возрождения на фракционной основе двух параллельно существующих социал-демократических партий – большевистской и меньшевистской. При этом большое значение имел учет организационного и тактического опыта, накопленного российскими социал-демократами в 1905–1907 гг.

Примечания

¹ Эктон Э., Гэттрелл П. Глазами британцев: современная английская историография России и Советского Союза // Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. М., 1996; Тютюкин С.В. Первая российская революция в отечественной историографии 90-х годов // Отечественная история. 1996. № 4. С. 72–85; его же. Современная отечественная историография РСДРП // Отечественная история. 1998. № 6. С. 54–64; его же. Накануне столетия Первой Российской революции (историографические заметки) // Призвание историка. Проблемы духовной и политической истории России. М., 2001; его же. Миншевизм: страницы истории. М., 2002. С. 5–25; Сапельев П.Ю. Лидеры российских социал-демократов в освещении новейшей отечественной историографии (Плеханов, Ленин, Мартов) // Власть и общество России в прошлом и настоящем. Сб. ст. М., 1999. С. 395–416; Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 18–38; Исакин С.П. Проблемы изучения социал-демократии Сибири начала XX века // Вопросы истории. 2003. № 11. С. 153–160; Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005. С. 4–10.

² Ascher A. The Revolution of 1905. Vol. I. Russia in Disarray. Stanford (Cal.), 1988; Vol. II. Authority restored. Stanford (Cal.), 1992.

³ Муравьев В.А., Степанский А.Д. Американский историк о Первой российской революции // Вопросы истории. 1993. № 9. С. 174–179.

⁴ Figs O. A People's Tragedy: the Russian Revolution, 1891–1924. London, 1996.

⁵ Fitzpatrick S. The Russian Revolution, 1900–1927. 2-nd ed. Oxford; N.Y., 1994.

⁶ Первая революция в России: взгляд через столетие / Отв. ред. А.П. Корелин, С.В. Тютюкин. М., 2005.

⁷ Исторические силуэты. М., 1991; Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991; Политическая история России в партиях и лицах. Вып. 1. М., 1993; Вып. 2. М., 1994 и др.

⁸ Швырин В.М. Священник Гапон и рабочие Петербурга в 1904–1905 гг. // Рабочий класс капиталистической России. М., 1992; Ксенофонт в И.Н. Георгий Гапон: вымысел и правда. М., 1996; Зырянов П.Н. Несчастливая звезда Гапона // Петербургская историческая школа. Альманах. СПб., 2002 и др.

- ⁹ Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. В 2 кн. М., 1989; е го же. Троцкий. Политический портрет. В 2 кн. М., 1992; е го же. Ленин. Политический портрет. В 2 кн. М., 1994.
- ¹⁰ Старцев В.И. Л.Д. Троцкий: страницы политической биографии. М., 1990; Тютюкин С.В. Л.Д. Троцкий в годы Первой российской революции // История СССР. 1991. № 3; е го же. Лев Давидович Троцкий // Исторические силуэты. М., 1991; В а с е ц к и й Н.А. Троцкий: опыт политической биографии. М., 1992, и др. Переизданы и долгие годы находившиеся в спецхране мемуары Л.Д. Троцкого «Моя жизнь. Опыт автобиографии» (М., 1991).
- ¹¹ Неизвестный Богданов. В 3 кн. / Под ред. Г.А. Бордюгова. М., 1995; А н т о н о в - Ш а р а п о в Ю.П. Ленин и Богданов: от сотрудничества к противостоянию. М., 1998; Г о р и н о в М.М. Евгений Преображенский: становление революционера // Отечественная история. 1999. № 1, и др.
- ¹² К о р н е е в В. Добрая книга о Сталине. М., 1998; Ж у х р а й В.М. Сталин: Правда и ложь. М., 1998; Е м е л ь я н о в Ю.В. Сталин. В 2 кн. Кн. 1: Путь к власти. М., 2002 и др.
- ¹³ См.: О ' К о н н о р Т.Э. Инженер революции: Л.Б. Красин и большевики. 1870–1926. М., 1992. С. 60–86.
- ¹⁴ У с ы с к и н Г.С. О'Коннор Т.Э. Инженер революции: Л.Б. Красин и большевики, 1870–1926 // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 174–175.
- ¹⁵ О ' К о н н о р Т.Э. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры. М., 1993. С. 9–11, 16, 21–24, 121.
- ¹⁶ Х е й м с о н Л. Меньшевизм и эволюция российской интеллигенции // Россия, XXI. 1995. № 3–4. С. 142–156; № 5–6. С. 112–129; № 7–8. С. 171–186.
- ¹⁷ П о м п е р Ф. Троцкий и Мартов // История СССР. 1991. № 5. С. 192–203.
- ¹⁸ Э к т о н Э. Новый взгляд на Троцкого // Отечественная история. 1993. № 6. С. 195.
- ¹⁹ A s c h e r A. Op. cit. Vol. I. P. 286; F i g e s O. Op. cit. P. 190.
- ²⁰ Р о з е н т а л ь И.С. А.Н. Потресов // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993; С а в е л ь е в П.Ю. П.Б. Аксельрод: человек и политик // Новая и новейшая история. 1998. № 2 и 3; О р л о в И.Б. «Персонаж исчезнувшей меньшевистской Атлантиды» (Петр Павлович Маслов: экономист, публицист и политический деятель) // Меньшевики и меньшевизм. Сб. ст. М., 1998; А.Н. П о т р е с о в. Избранное / Сост. Д.Б. Павлов. М., 2002 и др.
- ²¹ Т ю т ю к и н С.В. Г.В. Плеханов: Судьба русского марксиста. М., 1997.
- ²² Б э р о н С.Х. Г.В. Плеханов – основоположник русского марксизма. СПб., 1998.
- ²³ Б э р о н С.Х. Плеханов, утопизм и российская революция // Отечественная история. 1995. № 5. С. 117–129.
- ²⁴ Б э р о н С.Х. Г.В. Плеханов – основоположник русского марксизма. С. 324, 326–334, 341–343.
- ²⁵ Подробное см.: С а в е л ь е в П.Ю. Мартов в советской исторической литературе // Отечественная история. 1993. № 1.
- ²⁶ И о ф ф е Г.З. Ю.О. Мартов // Россия на рубеже веков. Исторические портреты. М., 1991; Т ю т ю к и н С.В. Ю.О. Мартов // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994; С а в е л ь е в П.Ю., Т ю т ю к и н С.В. Ю.О. Мартов: человек и политик // Новая и новейшая история. 1995. № 4, 5; У р и л о в И.Х. Ю.О. Мартов: Историографический очерк. М., 1995; е го же Ю.О. Мартов. Политик и историк. М., 1997; К а з а р о в а Н.А. Ю.О. Мартов. Штрихи к политическому портрету. Ростов-на-Дону, 1998 и др.
- ²⁷ Н е н а р о к о в А.П. Человек, а не символ // Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России к. XIX – н. XX в. Тамбов, 2001. С. 22–35.
- ²⁸ М а р т о в Ю.О. Избранное. М., 2000; Б а р а н с к а я Н.В. Странствие бездомных. Жизнеописание. М., 1999; П о п о в а Т.Ю. Судьба родных Л. Мартова в России после 1917 года. М., 1996; е е же. Еще раз о судьбе родных Мартова в России после 1917 года. М., 1999; е е же. Судьба родных Мартова в России после 1917 года. Размышления. 3-я книга. М., 2002.
- ²⁹ G e t z l e r I. Martov's Lenin // Revolutionary Russia. 1992. Vol. 5. № 1; i d e m. Iulii Martov, the leader who lost his party in 1917. A second look at Martov on the 70-th anniversary of his death // The Slavonic and East European Review. 1994. Vol. 72. № 3.
- ³⁰ Г е т ц л е р И. Мартов. Политическая биография российского социал-демократа. Изд. 2., расширенное и доп. СПб., 1998. С. 7.
- ³¹ G e t z l e r I. Martov. A political Biography of a russian Social-Democrat. 2 ed. Cambridge, 2003; Г е т ц л е р И. Мартов. Политическая биография русского социал-демократа. Изд. 2, доп. СПб., 1998.
- ³² A s c h e r A. Op. cit. Vol. I. P. 285, 289.
- ³³ Волкогонов Д.А. Ленин. Политический портрет. Кн. 1. М., 1996. С. 20.
- ³⁴ См.: Д е д к о в Н.И. «Как я документально установил», или «Смею утверждать». О книге Д.А. Волкогонова «Ленин» // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996.

- ³⁵ Pomper P. Lenin, Trotsky and Stalin. *Intelligentsia and Power*. N.Y., 1990; Service R. Lenin: A Political Life. Vol. 1–3. London, 1985–1995; Williams B. Lenin. Profiles in power. Harlow etc., 2000; Каррер д'Анкос Э. Ленин. М., 2002 и др.
- ³⁶ Ascher A. *Op. cit.* Vol. I. P. 289.
- ³⁷ Ascher A. *Op. cit.* Vol. II. P. 49, 280–281.
- ³⁸ Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. М., 1996.
- ³⁹ Лельчук В.С., Тютюкин С.В. Большевики // Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 243–259; Булдаков В.П. Большевизм в интерьере российской многопартийности // Призвание историка: Проблемы духовной и политической истории России. М., 2001. С. 286–302.
- ⁴⁰ Шерстянников А.А. Меншевицкая альтернатива в Российской социал-демократической рабочей партии (1903 – февраль 1917 г.). М., 1999; его же. История меншевицкой фракции РСДРП (1903 – февраль 1917 г.). М., 2003.
- ⁴¹ Тютюкин С.В. Меншевизм: Страницы истории. М., 2002.
- ⁴² Ascher A. *Op. cit.* Vol. I. P. 188–190, 312; Vol. II. P. 131.
- ⁴³ Melanson M. Marching together! Left block activities in the Russian revolutionary movement, 1900 to February 1917 // *Slavic review*. Vol. 49. 1990. № 2. P. 239–252.
- ⁴⁴ Швырин В.М. Государственная дума в России (1906–1917 гг.): обзор. М., 1995; Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России. Государственная дума и ее депутаты. 1906–1907 гг. Пермь, 1995; Козбаненко В.А. Партийные фракции в I и II Государственных думах России. 1906–1907 гг. М., 1996; Демин В.А. Государственная дума России. 1906–1907: механизм функционирования. М., 1997; Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи. 1906–1917. Историко-правовой очерк. М., 1998 и др.
- ⁴⁵ См.: Юдина Л.С. Революционное движение на Урале в 1905–1914 гг. Челябинск, 1995; Белов А.М. Политические партии и рабочие Центрального промышленного района в революции 1905–1907 гг. Кострома, 1997; Михайлов Н.В. Совет безработных и рабочие Петербурга в 1906–1907 гг. СПб., 1998.
- ⁴⁶ Morrissy S.K. Heralds of Revolution: Russian Students and the mythologies of Radicalism. Oxford, 1998. P. 70, 102–106, 109, 119, 228–229.
- ⁴⁷ Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М., 2004; Clements B. Bolshevik Women // *The Russian Revolution: The essential Readings*. L., Toronto, 2001. P. 180–205; Hilliar A., Mc Dermid J. Revolutionary women in Russia, 1870–1917: A Study in collective Biography. Manchester; N.Y., 2000; Elwood R.C. Inessa Armand: Revolutionary and Feminist. Cambridge, 1992.
- ⁴⁸ Hilliar A., Mc Dermid J. *Op. cit.* P. 1–3, 9, 109–127, 163–175.
- ⁴⁹ Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917. М., 1997; Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000.
- ⁵⁰ История национальных политических партий России. М., 1997; Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 260–298.

СОДЕРЖАНИЕ

Марасинова Е.Н. – К истории политического языка в России XVIII века	3
---	---

К 100-летию революции 1905–1907 г. в России

Пушкарева И.М. – Была ли альтернатива у «Кровавого воскресенья»?	17
Люди и события Первой русской революции в освещении британского корреспондента. Публикация П. Симмонса (Великобритания)	25
Туманова А.С. (Тамбов) – Первая русская революция и провозглашение свободы союзов и собраний	33
Волхонский М.А. – Национальный вопрос во внутренней политике правительства в годы Первой русской революции	48
Исхаков С.М. – Первая российская революция и мусульманское движение. (Дискуссии и обсуждения)	63
Селезнев Ф.А. (Нижний Новгород) – Д.В. Сироткин и всероссийские съезды старообрядцев в начале XX века	78
Макаров Н.В., Савельев П.Ю. – Российская социал-демократия в 1905–1907 годах: Заметки о новейшей историографии	90
Сахин А.В. – Борьба за лидерство в руководстве РСДРП(б) в 1917 году: резервы и пределы внутрипартийной демократии	102
Зубачевский В.А. (Омск) – Геополитическая страница истории Гражданской войны. 1918–1919 годы	118

Сообщения

Мирясов А.В. (Пенза) – К вопросу о мотивации труда рабочих России в 1920-е годы (на примере промышленных предприятий Пензенской губернии)	131
Лозбенев И.Н. – Особенности рабочего движения в Центральном промышленном районе России в 1920-е годы	141
Сизоненко А.И. – Советская Россия глазами перуанского социалиста и демократа	147

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Пивоварова О.Г. – Историко-педагогическая деятельность М.М. Богословского	151
Хэмбург Г. (США) – От социальных исследований – к литературному нарративу: Т. Эммонс и изучение истории Российской империи в период с 1968 по 2004 годы	158
Лихарев Д.В. (Уссурийск) – Споры о причинах Цусимской катастрофы	168
Золотарев В.А. – Историческая наука: люди и проблемы	178
Секиринский С.С. – «Историк и художник: журнал для всех, кто любит историю, ценит искусство и чувствует их родство»	184

Критика и библиография

Янковская Г.А. (Пермь) – Источниковедческие исследования: Сборник статей. Вып. 1–2	189
Полознев Д.Ф. (Ярославль) – С.К. Севастьянова. Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона»	190
Телицын В.Л. – И.П. Лейберов. В последние годы... Сборник статей и очерков	191
Петров Ю.А. – С.А. Саломатина. Коммерческие банки в России: динамика и структура операций, 1864–1917 гг.	193
Степанский А.Д. – Первая революция в России: взгляд через столетие	195
Игрицкий Ю.И. – Е.Г. Плимак. Политика переходной эпохи. Опыт Ленина	199
Нарский И.В. (Челябинск) – Й. Баберовски. Красный террор: история сталинизма	202
Черевко К.Е. – Е.П. Бажанов. Современный мир	204

Научная жизнь

Митяева О.И. – Юбилейные Ломоносовские чтения в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова	206
Бугай Н.Ф. – Форум историков в Сеуле	208
Мамонов А.В. – «Россия XIX – начала XX веков». Международная научная конференция к 100-летию П.А. Зайончковского.....	210
Зинич М.С. – IX Всемирный Русский Народный Собор «Единство народов, сплоченность людей – залог победы над фашизмом и терроризмом»	215
70-летие Ю.Н. Емельянова	216
70-летие С.В. Тютюкина	217
Новые книги по отечественной истории	219

CONTENTS

Marassanova Ye.N. – About the History of the Political Language in a Russia of the XYIIIth Century	3
---	---

Toward the 100th Anniversary of the Revolution in Russia. 1905–1907

Pushkareva I.M. – Was There an Alternative for the «Blood-stained Sunday»?	17
The People and Developments of the First Russian Revolution As Seen by a British Reporter. The Publication by P. Simmons (Great Britain)	25
Tumanova A.S. (Tambov) – The First Russian Revolution and the Proclamation of the Freedom of Assembly and Union	33
Volkhonsky M.A. – The Problem of Nationalities in the Government's Policy during the First Russian Revolution	48
Iskhakov S.M. – The First Russian Revolution and the Muslim Movement (<i>Discussions and Deliberations</i>)	63
Seleznev F.A. (Nizhny Novgorod) – D.V. Sirotkin and the All-Russia Conventions of Old Believers in the Early XXth Century	78
Makarov N.V., Saveliev P.Yu. – The Russian Social Democrats in 1905–1907: Notes on the Contemporary Historiography	90
Sakhnin A.V. – The Struggle for Leadership inside the RSDRP (b) in 1917: The Reserves and the Limits of the inner-Party Democracy	102
Zubachevsky V.A. (Omsk) – The Geopolitical Aspect of the History of the Civil War in 1918–1919.....	118

Communications

Miryassov A.V. (Penza) – Concerning the Incentives of Labour in Russia in the 1920s (Examples Furnished by Industrial Works in Penza Province)	131
Lozbenov I.N. – The Peculiarities of the Workers' Movement in Russia's Central Industrial Region in the 1920s	141
Sizonenko A.I. – Soviet Russia As Seen by a Peruvian Socialist and Democrat.....	147

Historiography, Source Studies, Methods of Historical Research

Pivovarova O.G. – M.M. Bogoslovsky as a Historian and Scholar	151
Hamburg G. (U.S.A.) – From Social Science to Literary Narrative: T. Emmons and the Writing of Imperial Russian History, 1968–2004	158
Likharev D.V. (Ussuriisk) – Controversies About the Causes of the Tushima Catastrophy.....	168
Zolotarev V.A. – Historical Science: People and Problems.....	178
Sekirinsky S.S. – «Historian and Artist: A Journal for All Who Love History, Appreciate Arts and Feel Their Kinship».....	184

Criticism and Bibliography

Yankovskaya G.A. (Perm) – Source Studies: A Collection of Papers. Issues 1–2	189
Poloznev D.F. (Yaroslavl) – S.K. Sevastianova. Materials to the «Chronicle of Patriarch Nikon's Life and Literary Activities»	190
Telitsyn V.L. – I.P. Leiberov. The Closing Years. A Collection of Articles and Essays	191
Petrov Yu.A. – S.A. Salomatina. Commercial Banks in Russia: The Dynamics and Structuring of Operations, 1864–1917	193
Stepansky A.D. – The First Revolution in Russia: A View Through the Century	195
Igritsky Yu.I. – Ye.G. Plimak. The Policy of the Transition Era. V.I. Lenin's Experience	199
Narsky I.V. (Chelyabinsk) – J. Baberovsky. Red Terror: the Story of Stalinism	202
Cherevko K.Ye. – Ye.P. Bazhanov. Contemporary World	204

Academic Life

Mityaeva S.I. – The Jubilee Lomonosov Readings at the Moscow State University	206
Bugai N.F. – A Forum of Historians in Seoul	208
Mamonov A.V. – The «Russia of the XIXth – Early XXth Centuries» International Learned Conference Commemorating P.A. Zaionchkovsky's 100th Anniversary	210
Zinich M.S. – The IXth World Russian People Assembly «Unity of Peoples and Cohesion of People – a Pledge of Victory over Fascism and Terrorism»	215
Yu.N. Yemelyanov's 70th Anniversary	216
S.V. Tyutyukin's 70th Anniversary	217
New Books on Homeland History	219

РЕДАКЦИЯ

Секиринский С.С.	– Отдел новейшей истории
Мамонов А.В.	– Отдел новой истории
Найденова Л.П.	– Отдел древней и средневековой истории
Костина Р.В.	– Отдел истории народов
Христофоров И.А.	– Отдел историографии, источниковедения, методов исторического исследования
Новикова М.А.	– Заведующая редакцией
Шамина И.Н.	– Литературный редактор
Мац А.Г.	– Младший редактор

Сдано в набор 01.06.2005

Подписано в печать 28.07.2005

Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆

Печать офсетная

Усл.печ.л. 18,2
Тираж 2666 экз.

Усл.кр.-отт. 49,2 тыс.

Заказ 535

Уч.-изд.л. 25,1

Бум.л. 7,0

Свидетельство о регистрации № 0110244 от 8.02.1993 г.

в Министерстве печати и информации РФ

Учредители: Российская академия наук, Институт российской истории РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 117036, Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон: 123-90-10

Оригинал-макет подготовлен МАИК «Наука/Интерпериодика»

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»», 121099, Москва, Шубинский пер., 6